

DOI: 10.31857/S086919080017099-5

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ СССР В ОТНОШЕНИИ ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ИРАН

© 2022

Д.В. ВОЛКОВ ^{a, b}^a – Московский государственный лингвистический университет;^b – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»^{a, b} – ORCID: 0000-0003-4786-6576; vdvman@gmail.com

Резюме: В данной работе рассматривается самый ранний этап формирования советской внешней политики в отношении Исламской Республики Иран. Исследование содержит критический анализ состояния международного научного поля по ИРИ в его начальной форме, что позволяет наиболее полно выявить разнообразие точек зрения экспертного сообщества, возникших в первые годы после Исламской революции, и проследить их отражение в практической сфере. Также в работе изучаются особенности формирования решений по Ирану в период 1979–1983 гг. и влияние на этот процесс мнений разных советских экспертных сообществ. В контексте *realpolitik* СССР всеми силами пытался сохранить неожиданный дар судьбы в лице неустового антиамериканизма нового исламского режима, но в то же время сосредоточил свои внешнеполитические усилия на попытках ввода местных левых сил во властные структуры ИРИ, следуя идеологическим догмам и будучи уверенным в неминуемой левой трансформации иранской революции. Разгром иранской коммунистической партии Туде в 1983 г. заставил СССР во многом пересмотреть свою политику в отношении Ирана и окончательно поменять идеологизированные подходы на сугубо практические. Работа опирается на англо-, франко- и русскоязычные исследования, выполненные в последние десятилетия, а также эго-документы, авторами которых являются участники событий из основных стран-акторов процесса: дипломаты, офицеры разведывательных служб и ученые-востоковеды. Анализ этих эго-документов помещается автором в контекст тематически более широкого критического синтеза современных работ разных национальных научных школ. Одной из методологических особенностей данного исследования является то, что одни и те же события и процессы в том числе рассматриваются сквозь призму текстов фигурантов, находившихся или впоследствии оказавшихся, что называется, по разные стороны баррикад, что способствует большей степени верификации таких опосредованных с точки зрения исторической достоверности свидетельств, как эго-документы.

Ключевые слова: советско-иранские отношения, исламская революция, Шебаршин, Ульяновский, Брутенц.

Для цитирования: Волков Д.В. Особенности формирования внешнеполитических решений СССР в отношении Исламской Республики Иран. *Восток (Oriens)*. 2022. № 5. С. 110–122. DOI: 10.31857/S086919080017099-5

PECULIARITIES OF THE USSR'S FOREIGN POLICY DECISION MAKING TOWARDS THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

© 2022

Denis V. VOLKOV ^{a, b}^a – Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia;^b – HSE University, Moscow, Russia^{a, b} – ORCID: 0000-0003-4786-6576; vdvman@gmail.com

Abstract: *This paper examines the earliest stage of the formation of Soviet foreign policy towards the Islamic Republic of Iran. The study offers a critical analysis of the state of the international scholarly field on the Islamic Republic of Iran in its initial form, allowing for the diversity of expert perspectives that emerged in the early years after the Islamic Revolution, and tracing their reflection in the practical domain. The paper also examines the decision-making mechanism on Iran in the period 1979–1983 and the influence of the views of different groups of Soviet experts on the process. In the context of realpolitik, the USSR tried its best to preserve the unexpected gift of fortune in the form of the new Islamic regime's rabid anti-Americanism, but at the same time it concentrated its efforts on trying to implant local leftist forces into Iranian power structures, following ideological dogma and being confident in the imminent leftist transformation of the Iranian revolution. The debacle of the Iranian Tudeh Party in 1983 forced the USSR to largely reconsider its policy towards the Islamic Republic and to definitively change its ideological approaches to purely practical ones. This paper draws on English-, French- and Russian-language studies carried out in recent decades, as well as ego-documents authored by participants in the events from the main actor countries: diplomats, intelligence officers and scholars of Iran. The author situates the analysis of these ego-documents in the context of a thematically broader critical synthesis of contemporary work from different countries.*

Keywords: Soviet-Iranian relations, Islamic revolution, Shebarshin, Ulyanovskiy, Brutents.

For citation: Volkov D.V. Peculiarities of the USSR's Foreign Policy Decision Making towards the Islamic Republic of Iran. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 110–122. DOI: 10.31857/S086919080017099-5

Исламская революция, произошедшая в 1979 г. в Иране, стала во многих аспектах неожиданностью как для стран Запада, так и для стран социалистического лагеря [Apple, 1979]. Исследователи рассматривали это явление как парадоксальное [Алиев, 2004, с. 424]. Ни одна из разведывательных служб стран, имевших укоренившиеся интересы в Иране и в регионе, не прогнозировала такой исход событий и тем более такие последствия даже на ближайшие годы [Шебаршин, 2012, с. 152]. Л.В. Шебаршин (1935–2012), резидент КГБ СССР в Иране с 1979 по 1983 г., отмечал, правда, что уже к августу-сентябрю 1978 г. «ПГУ [Первое главное управление Комитета государственной безопасности СССР, преобразовано в СВР в декабре 1991 г.] пришло к выводу, что дни монархии в Иране сочтены» [Шебаршин, 2012, с. 107]. Тем не менее никто не спрогнозировал тогда, насколько кардинальное это будет социально-политическое изменение и с какими последствиями.

В предреволюционные годы оставался незамеченным один из основополагающих аспектов Исламской революции в Иране, а именно степень агентности иранского шиитского духовенства в грядущих изменениях. Как отмечали коллеги Шебаршина по тому периоду его деятельности Л.П. Костромин (р. 1933) и В.А. Кузичкин (1947–2012(?)), мало того, что

у КГБ не было агентуры среди духовенства в Иране, но и даже сколь-нибудь значимых контактов, так как его офицеры «не были к этому готовы ни политически, ни идеологически, ни морально» [Костромин, 2011, с. 166]. Фактически подтверждая слова Шебаршина, Костромин, тем не менее, оговаривается: «Мы видели неизбежность революции, но думали, что она будет буржуазно-демократической, национально-освободительной» [Костромин, 2011, с. 166]. Как вспоминает Кузичкин, имя «какого-то аятоллы Хомейни ничего не значило даже для самых старослужащих офицеров резидентуры» [Kuzichkin, 1990, p. 231]. Однако известный британский историк спецслужб Кристофер Эндрю в соавторстве с известным перебежчиком В.Н. Митрохиным (1922–2004) позже частично поправил Кузичкина, указав на то, что находившийся в ссылке в Ираке Хомейни все-таки заинтересовал КГБ еще в 1974 г., когда установление контактов с ним для оценки его возможностей было включено в годовой план ПГУ по Ближнему Востоку, но операция не увенчалась успехом, и Хомейни был благополучно забыт [Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 180, 534]. Как бы там ни было, на недостаток внимания к иранскому духовенству со стороны советских разведслужб указывают и ветераны этих спецслужб [Костромин, 2011, с. 166]. Таким образом, в этом контексте заявление о том, что никому из представителей советских организаций в Иране и в голову не пришло хоть раз прослушать бывшие весьма популярными в Иране записи проповедей Хомейни вплоть до самой кульминации революции [Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 182], представляется весьма правдоподобным.

Однако не лучшим образом ситуация обстояла и в разведывательных сообществах США и Великобритании, особенно в ЦРУ и МИ-6 [Andrew, 1995, p. 438–439; Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 178, 182; Asinovsky, 2018, pp. 192–193; Костромин, 2011, с. 161]. Как ретроспективно отметил Збигнев Бжезинский (1928–2017), в тот период внимание высокопоставленных лиц США, принимавших участие в принятии внешнеполитических решений, было приковано к другим [не относящимся к Ирану] вопросам и в целом было ими перегружено [Andrew, 1995, p. 438]. Президент США Джимми Картер еще в канун 1978 г., выступая с официальной речью в шахском дворце Ниаваран в Тегеране, с уверенностью называл Иран «островом стабильности в одном из самых беспокойных регионов мира» [Carter, 1977], а журналисты авторитетнейшего американского издания «The New York Times» еще в июне 1978 г. активно путались в имени Хомейни, называя его «Ayatollah Mohammed Khomeini» [Gage, 1978]. «Мысль о народной революции, ведущей к установлению теократического государства, казалась настолько же невероятной, насколько и абсурдной», – впоследствии было подмечено одним из ведущих аналитиков Национального совета безопасности США того времени [Andrew, Mitrokhin, 2005, p. 180]. Таким образом, по этому вопросу мнения аналитиков США и СССР накануне Исламской революции были полностью тождественны.

Вместе с этим, уже во второй половине 1978 г. советские эксперты пришли к заключению, что как бы ни развивались в дальнейшем события, назревающее в Иране коренное социально-политическое переустройство сулит огромный геостратегический выигрыш [Громыко, 1988, с. 99; Parker, 2009, p. 6]. Если ведущий исламистский компонент в надвигающейся революции оставался еще сокрытым для советских аналитиков и только сулил в будущем неразрешимые на первых порах головоломки в части встраивания характеристик Исламской революции в марксистско-ленинскую модель общественно-исторического развития, то общий антиимпериалистический компонент, а точнее, целенаправленный антиамериканский тренд был очевиден. В контексте стремительно ослабевающей власти шаха СССР сделал свой выбор уже в ноябре 1978 г., отказавшись от поддержки иранской монархии и начав предпринимать энергичные действия по предотвращению любого внешнего антиреволюционного вмешательства [Parker, 2009, p. 6].

Действительно, Москве было куда инвестировать свой геополитический капитал. Уже самые первые шаги режима Хомейни превзошли все геополитические ожидания руководства СССР. Иран полностью вышел из широко критикуемого в СССР СЕНТО¹, фактически разрушив более чем двадцатилетний союз сильнейшей региональной группировки, в которую также входили такие страны как Турция, Пакистан и Великобритания. Не являясь официальным членом организации, США принимали активное участие в работе основных из четырех комитетов СЕНТО: военном и по борьбе с подрывной (читай: прокоммунистической) деятельностью. Иран также аннулировал Договор о стратегической обороне, подписанный с США в 1959 г. [Parker, 2009, p. 6].

Но главное, новые иранские власти положили конец массированному военному присутствию США на территории Ирана, в том числе закрыв две превосходно оснащенные базы радиоэлектронной разведки США около г. Бандар-Шах (современный Бандар-Торкаман), на границе с СССР, и в провинции Хорасан, около Мешхеда, которые давно держали в напряжении Северо-Кавказский, Закавказский, Туркестанский и Среднеазиатский военные округа, пристально следя за их активностью, а также собирая информацию о ракетных и ядерных испытаниях в советской Средней Азии [Rubinstein, 1981, p. 599; Parker, 2009, p. 6; Костромин, 2011, с. 160].

Как и в рядах дипломатов, разведывательных служб, а также различных политических аналитиков и идеологов, Исламская революция застала врасплох и ученых-иранистов. Пока советские иранисты медленно пытались, с оглядкой на статьи в газете «Правда» и журнале «Коммунист», т. е. на официальные трактовки идеологов из Международного отдела ЦК КПСС, выстроить свой нарратив и дать марксистско-ленинскую оценку событиям, западные исследователи попытались сразу представить свое видение событий. Элвин Рубинштейн в статье, напечатанной влиятельным научным журналом *International Affairs* [Rubinstein, 1981], представил весьма точную картину «нежданных» региональных приобретений Москвы с далеко идущими геополитическими последствиями и проанализировал первые внешнеполитические шаги Кремля в деле налаживания дружественных отношений с новым режимом, а также активные попытки, предпринятые им с целью оказания влияния на дальнейшее развитие событий в выгодном для СССР направлении. Автор статьи также констатирует, что СССР достаточно быстро убедился в бесперспективности таких усилий, которые к тому же оказались подорваны советской военной интервенцией в Афганистан [Rubinstein, 1981, p. 603–609]. Таким образом, в период 1979–1989 гг. СССР пришлось по большей части довольствоваться внешнеполитическим «охранительством» исламского режима как носителя ярко выраженного антиамериканского компонента [Rubinstein, 1981, p. 616–617].

Вместе с этим, некоторые работы, как потом выяснилось, не лишены ложных полаганий, явно переоценили влияние СССР на происходившие процессы. Например, Джордж Ленцовски в своих работах делал вывод о лидирующей роли СССР в свержении режима Пехлеви, подкрепляя свои аргументы анализом антишахского характера советских радиопередач на фарси, констатацией поставок Советским Союзом оружия марксистско-ориентированным группировкам в Иране и другими проявлениями активного вмешательства СССР во внутренние дела охваченной кризисом страны [Atkin, 1981, p. 50]. Такой подход был подвергнут критике в работах Мюриэль Аткин и Олеса Смолански, которые обосновали падение режима шаха Мохаммада Резы Пехлеви преимущественно внутренними политическими и экономическими факторами. Это уже после прихода к власти вре-

¹ См. заявления Правительства СССР от 12 октября и 26 ноября 1955 г., а также заявление ТАСС от 06.01.1958. Помимо этого, вхождение Ирана в Багдадский пакт 1955 г., предшественник СЕНТО, противоречило советско-иранским договорам от 1921 и 1927 г.

менного правительства Базаргана Москва предприняла немало усилий, чтобы установить дружеские отношения с режимом Хомейни [Kuzichkin, 1990, p. 266–267; Виноградов, 1994, с. 101–108],² в т.ч. ошибочно делая ставку на перспективу вхождения партии Туде в новые властные структуры [Smolanski, 1981; Atkin, 1981].

Если западные исследователи и аналитики рассматривали Исламскую революцию 1979 г. зачастую сквозь призму холодной войны, то в СССР ломали голову над тем, как классифицировать данное событие с позиций марксистско-ленинской теории, и достаточно много времени прошло, прежде чем прилагательное «исламская» прижилось в работах советских исследователей и аналитиков. А произошло это в полной мере только во второй половине 1980-х гг. Особенно отчетливо это видно по работам таких опытных советских иранистов того времени, как А.З. Арабаджян, С.М. Алиев, Н.М. Мамедова, Л.М. Кулагина и других [Арабаджян, 1989(1)]. В начальный же период 1979–1983 гг. положение советских ученых и практических аналитиков осложнялось еще и идеологизированным восприятием завершения краха колониальной системы и активизации национально-освободительных движений в 1950–1970 гг., что воспринималось как поступательный процесс исторического развития линейного характера, который неизбежно должен был привести к установлению социалистических режимов в «освобождавшихся» странах, даже в отдельных случаях минув капиталистическую формацию [Ленин, 1981, с. 246; Asinovsky, 2018, с. 194–195; Гибадуллин, 2010].

Эпистемологическая дискуссия о характере и содержании событий, приведших к свержению шахского режима в Иране, началась со статей П.Е. Демченко в журнале «Коммунист» уже в марте и июне 1979 г. [Демченко, 1979(1–3)]. В своем анализе автор определял произошедшее в Иране как «восстание против монархии» и «крушение абсолютизма» в результате «переплетения классовых, общенациональных, религиозных факторов», вводя термин «антишахская революция» только в самом конце статьи [1979(1), с. 78, 81, 86]. Во второй статье этот термин был дополнен прилагательным «антиимпериалистическая», которое будет безоговорочно подхвачено остальными иранистами. Однако вторая статья примечательна еще и тем, что в ней изучаемые события были впервые поделены на этапы [1979(2), с. 111–114], что впоследствии будет подробно изучаться в работах востоковеда-идеолога Р.А. Ульяновского (1904–1995), куратора стран «третьего мира» и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС Б.Н. Пономарева (1905–1995). В целом вера в незаконченность революционного процесса в Иране была характерна для всех ранних советских работ по Исламской революции. Неудобство констатации наличия гегемона революции в лице духовенства для выдерживания принятых идеологических рамок на первых порах заставляло советских исследователей разбивать изучаемые процессы на поступательные этапы и предекать трансформацию революционного движения в сторону демократических и национально-освободительных преобразований, которые, в конечном счете, должны были превратиться в социалистические.

Если работы высокопоставленного журналиста Демченко и не носили строго научного характера, но стали своего рода идеологическим ориентиром для советских ученых-иранистов³, то работы С.М. Алиева уже стали первым полноценным вкладом в развитие советского научного дискурса о событиях 1978–1979 гг. в Иране на основе полученных идеологических ориентиров [Алиев, 1979]. Уже осенью 1979 г. прочно вошли в обиход

² Советский посол В.М. Виноградов по прямым указаниям из ЦК КПСС четыре раза за первый месяц существования исламского режима выезжал к Хомейни [Kuzichkin, 1990, с. 266–267; Виноградов, 1994, с. 101–108].

³ Демченко Павел Елифанович – журналист-международник, востоковед по образованию, член редколлегии и заведующий отделом стран Ближнего Востока газеты «Правда», лауреат международной премии имени Насера 1973 г.

дефиниции «антимонархическая и антиимпериалистическая революция», «подлинно народная революция», наряду с констатацией исключительно важной роли пролетариата и с отсутствием должного анализа роли т. н. «базара» (the bazaar — بازار) [Алиев, 1979, с. 45]. В мае 1980 г. в своей статье «Иранская революция 1978–1979 гг. и рабочий класс» С.М. Алиев все же затрагивает роль духовенства и признает, что «к осени 1978 г. ему удалось стать признанным гегемоном народного движения» [Алиев, 1980, с. 107]. Несмотря на это, исламский характер революции и правомочность использования прилагательного «исламский» применительно к иранской революции продолжали отрицаться и Алиевым, и позднее другим известным иранистом С.Л. Агаевым в первой на эту тему советской монографии, увидевшей свет в 1981 г. [Агаев, 1981].

В силу довлеющих идеологических рамок советским исследователям в начале 1980-х гг. так и не удалось примирить констатацию имманентно прогрессивного характера природы такого явления, как всенародная буржуазно-демократическая революция, с такой регрессивной общей характеристикой событий в Иране как исламская революция. В контексте позднесоветского дискурса о марксистско-ленинской теории такая традиционно тормозящая поступательное развитие общества социальная группа, как духовенство, априори не может стоять во главе прогрессивных революционных преобразований. В связи с этим Ульяновским была выработана подробная периодизация процессов, происходивших в Иране в период с 1978 по 1983 г. [Ульяновский, 1982; 1983]. После первой «антимонархической и антиимпериалистической» стадии, завершившейся свержением шаха Пехлеви, было добавлено еще три этапа: «первый, завершившийся отстранением от власти правительства Базаргана в ноябре 1979 г.; второй, закончившийся отстранением от власти Банисадра в июне 1981 г., и третий, начавшийся острыми столкновениями между закрепившими свое политическое господство богословскими шиитскими силами и рядом леворадикальных и революционно-демократических организаций. При этом результатом третьего этапа стало установление единовластия духовенства и его наиболее активных сторонников» [Арабаджян, 1989(2), с. 531].

Таким образом было найдено софистское решение сложной методологической задаче, а именно объяснение такого мирового феномена XX в., как иранская Исламская революция 1979 г., с точки зрения марксистско-ленинской теории. Игнорируя тот факт, что все главные революционные события 1978–1979 гг. в Иране совершались под знаменем шиитского ислама, советскими исследователями фактически было решено, что духовенство украло плоды изначально буржуазно-демократической и национально-освободительной революции в первые годы после свержения шахского режима. Нахождению такого объяснения способствовал еще и однозначный внешнеполитический лозунг Исламской Республики Иран: «Ни Запад, ни Восток, а Исламская Республика!»

После советского вторжения в Афганистан Хомейни и министерство иностранных дел ИРИ обвинили СССР в советском империализме. Наложившись на весьма brutальный характер исламизации иранского общества и консолидации власти шиитским духовенством в областях внутренней политики и безопасности, военного строительства, экономики и культуры, все это усилило и без того всегда существовавшие в советском востоковедном знании, и особенно во внешнеполитическом аппарате позднего СССР проявления цивилизационной надменности. Недопонимание происходивших процессов, с одной стороны, и получение унижительного отказа после протягивания руки дружбы первой в мире страной победившего социализма, отягченного кровавым разгромом партии Туде, с другой стороны, привели к тому, что в отношении нового исламского государства все чаще стали звучать такие дефиниции, как «религиозное мракобесие», «возврат к мрачному средневековью», «религиозная деспотия» и др. [Ульяновский, 1983].

В этом отношении очень показательной представляется цитата из Шебаршина: «Наши доброжелатели, а их в Иране немало, тоже задают этот вопрос. Многие из них видят мир упрощенно, история начала века им кажется всего лишь вчерашним днем, и они недоумевают – разве не замечает Россия, что здесь гибнут ее друзья и крепнут ее враги, разве не могут перейти границу советские танки, чтобы от их грохота рассеялось *черное наваждение* [выделено автором], окутавшее страну? Перемешались в умах иранцев прошлое с настоящим и будущим, реальность с призраками, здравый смысл с бредовыми фантазиями, а главное – никто понять не может, чем кончится вся эта смута, чьи еще жизни она унесет, кого казнят и кого помилует... Не в лучшем положении оказались и дипломаты» [Шебаршин, 2012, с. 115–116]. Одно было визуально предельно ясно – антиимпериалистический тренд внешней политики нового, пускай и теократического, режима, гарантированно исключал военно-политическое присутствие и влияние НАТО в Иране, что уже само по себе было большим подарком для СССР и требовало от него усилий по сохранению такого *status quo*. Этот императив и был положен в основу советского внешнеполитического курса СССР в отношении Исламской Республики Иран.

Как уже упоминалось выше, победа антишахской оппозиции во главе с аятоллой Хомейни стала неожиданностью как для стран НАТО, так и для стран социалистического лагеря, да и в целом для всего мира. Ни одна сторона не обладала всей полнотой информации. Это же породило серьезные опасения о роли друг друга в произошедших событиях и у США, и у СССР, что во многом коренилось в исторических экзистенциальных страхах времен Большой игры с той разницей, что уже в начале 1970-х гг. Великобритания добровольно вывела свои войска из региона Персидского залива, и США были вынуждены отчасти занять ее место, а отчасти выстраивать сложные стратегические отношения с Королевством Саудовской Аравии и Ираном. Эта политика получила название никсоновской доктрины «двух параллельных колонн» и была направлена на предотвращение проникновения коммунизма и поддержание порядка в регионе в основном за счет этих двух государств, которые, в свою очередь, конкурировали друг с другом за благорасположение США, добиваясь таким образом региональной гегемонии [Alvandi, 2010; 2012]. Москва же поначалу была напугана фактом, что большинство из окружения Хомейни либо получили образование в США, либо там проживали долгое время. С учетом достаточно независимой внешней политики, проводившейся шахом Мохаммадом Резой Пехлеви в последнее перед революцией 1979 г. десятилетие, выражавшейся в т. н. государственном позитивном национализме, а также доктрине политической и экономической равноудаленности от Запада и СССР [Parker, 2009, с. 4], некоторые советские аналитики и политики сделали вывод о том, что США решили привести к власти более сговорчивый режим [Асиновский, 2019, с. 183–186].

С другой стороны, советские идеологи и политики хорошо помнили ошибочное решение, принятое СССР в начале 1950-х гг., о бесперспективности вмешательства в иранские дела во время нахождения у власти в Иране премьер-министра Мохаммеда Мосаддыка (1951–1953), что во многом, в конечном счете, стало гарантом успеха совместной операции ЦРУ и МИ-6 по организации военного переворота и свержению в августе 1953 г. иранского премьер-министра, который с 1951 г. проводил курс на национализацию нефти и впоследствии стал в Иране символом национально-освободительной борьбы [Kalinovsky, 2014]. Таким образом, если, все-таки, «команда Хомейни» не творение западных разведок, ввиду на этот раз намного более ярко выраженной антиамериканской направленности событий, чем в начале 1950-х гг., СССР был заранее готов решительно не допустить военного вмешательства Запада в иранские дела [Асиновский, 2019, с. 183]. Данный императив пока был очевиден для советского правительства, и им же были продиктованы личное и публичное обращения Брежнева к Картеру.

19 ноября 1978 г. газета «Правда» опубликовала заявление Генерального секретаря КПСС Л.И. Брежнева, явно адресованное США: «[СССР] против вмешательства извне во внутренние дела Ирана кого бы то ни было в любой форме и под каким бы то ни было предлогом. В этой стране имеют место события чисто внутреннего порядка, и решаться связанные с этим вопросы должны самими иранцами. ... Должно быть ясно и то, что любое, а тем более военное, вмешательство в дела Ирана – государства, которое непосредственно граничит с Советским Союзом, СССР рассматривал бы как затрагивающее интересы его безопасности» [*Правда*, 1978, с. 1]. Данное интервью фактически было повторением личного послания Л.И. Брежнева от 17 ноября 1978 г. «о недопустимости вмешательства извне во внутренние дела Ирана», переданного Послом СССР А.Ф. Добрыниным (1962–1986) Президенту США Дж. Картеру (1977–1981) [Добрынин, 1996, с. 283].

Впоследствии исследователи ставили под сомнение определяющую роль усилий СССР, направленных на предотвращение внешнего вмешательства в ходе революционных событий и в первые месяцы после Исламской революции, выдвигая на передний план преобладание в администрации Президента США группировки, сделавшей ставку на закулисный переговорный процесс и воздействие через агентов влияния [Hertmann, 1990, p. 78]. Как бы там ни было, решительные заявления Л.И. Брежнева и Министра иностранных дел СССР А.А. Громыко (1957–1985), а также нарочито плохо скрываемое усиление группировок войск Закавказского и Туркестанского военных округов в приграничных с Ираном районах [Parker, 2009, p. 14–16], безусловно, не остались незамеченными Президентом США при принятии стратегических решений по Ирану.

Однако на этом единство мнений советского внешнеполитического истеблишмента заканчивалось. Паркер и Асиновский в своих исследованиях процесса формирования советской внешней политики по отношению к иранской революции 1979 г. и Исламской Республике Иран указывают на наличие двух основных лагерей. «Развитие событий весной 1979 г. сформировало в советском правительстве две альтернативные платформы в оценке дальнейшего развития ситуации в Иране. Первую из них отстаивал Пономарев, который стоял на позиции, определенной опытом последнего десятилетия советской внешней политики в странах Азии и Африки. В Иране, по версии Международного отдела, произошла антиимпериалистическая революция, которая со временем должна будет обратиться к левым силам, чтобы они повели ее дальше» [Асиновский, 2019, с. 186]. Как отмечалось выше в этой работе, данная позиция принадлежала идеологам и иранистам, статьи и книги которых просто не вышли бы в печать с другим мнением, т. к., в первых, директором Института востоковедения Академии наук СССР был Е.М. Примаков (1977–1984), который также черпал идеологические ориентиры в Международном отделе [Примаков, 1982; 1985; Hertmann, 1992],⁴ и, во-вторых, научными редакторами научных сборников и коллективных монографий были опять же консультанты, напрямую связанные с Международным отделом, как, например, Н.А. Симония (1932–2019) [Агаев, 1981]. Эти же профессиональные дискурсы и практики, возможно, повлияли на советского посла В.М. Виноградова (1977–1982), который был чрезвычайно раздражен резонирующими и на Западе статьями журналиста-обозревателя А.Е. Бовина (1930–2004) в «Известиях» [Klose, 1979], однозначно заявлявшего о тотальном антисоветском характере новой исламской теократической диктатуры. Виноградов продолжал посылать в Москву победные

⁴ Ввиду идеологической конъюнктуры позднего СССР, тексты Е.М. Примакова одновременно изобилуют ссылками на В.И. Ленина, а также содержат основные ссылки на Р.А. Ульяновского и К.Н. Брутенца – высокопоставленных аналитиков, составлявших костяк МО ЦК КПСС. См.: [Примаков, 1982; 1985]. См. также: [Hertmann, 1992, p. 432–465].

реляции о радужных перспективах левого дела в иранской революции до своего отъезда из страны в 1982 г. [Parker, 2009, p. 7–8; Kuzichkin, 1990, p. 88–89, 157–158, 131–132, 167–171].

«Альтернативный подход был предложен Андроповым, который предполагал, что в обозримом будущем религиозные лидеры не выпустят власть из своих рук, а левые силы и, прежде всего Туде, слишком слабы и разобщены, чтобы приобрести серьезное влияние. Андропов предлагал путь поиска компромисса с режимом Хомейни. В том числе с целью предотвратить влияние исламского правительства на дружественные Советскому Союзу Афганистан и Ирак» [Асиновский, 2019, с. 186]. Андропов не верил в перспективы левого движения в Иране и был уверен, что новый исламский режим установился надолго. Уже после его смерти и распада СССР, Шебаршин так описывает разговор с Андроповым, который состоялся перед его отъездом в Иран в качестве резидента КГБ СССР: «...Юрий Владимирович предупредил против иллюзий по поводу непрочности и недолговечности власти шиитского духовенства (Хомейни лишь недавно вернулся в Иран). И добавил, что надо внимательно разобраться в потенциале демократического движения: “Думается мне, что перспективы у левых в Иране нет”. Юрий Владимирович оказался прав» [Шебаршин, 2012, с. 191].

Все эти дебаты стали частью этапа политики позднего СССР в отношении Исламской Республики Иран, который в целом можно охарактеризовать как период «охранительства и заигрывания» в хронологических рамках с осени 1978 г., когда СССР предостерег другие страны от вмешательства во внутренние дела Ирана, по начало 1983 г., когда начались активные репрессии против членов партии Туде. В ходе данного этапа главные внешнеполитические решения по Ирану готовились экспертными группами Международного отдела ЦК КПСС, МИД, КГБ и МО СССР и принимались во время обсуждений на т. н. Комиссии по Ирану, в которую входили Л.И. Брежнев, А.А. Громыко, Ю.В. Андропов, Б.Н. Пономарев и Д.Ф. Устинов. Деятельность комиссии отдельно упоминается Л.В. Шебаршиным в контексте ее значимости [Шебаршин, 2012, с. 144–145]. Официально комиссия состояла только из членов Политбюро. На деле ситуация состояла несколько иным образом. По понятным причинам Брежнев имел слабое представление о раскладе дел на Востоке, да и проявлял слабый интерес к этой тематике в целом. Почти постоянно отсутствовавшего по состоянию здоровья Брежнева часто заменял М.А. Суслов, который, как известно, являлся главным идеологом партии. Устинов не проявлял активности. Основные споры происходили между Андроповым и Пономаревым, однако зачастую Пономарева на заседаниях комиссии заменял Р.А. Ульяновский⁵, его правая рука, который еще более фанатично держался той же линии. Громыко, разумеется, вел себя выжидательно и не имел особого мнения по Ирану. Таким образом, неудивительно, что на заседаниях, как правило, преобладала точка зрения Международного отдела [Kalinovsky, 2013, p. 235–237]. Высокая степень идеологизации решений по Ирану обеспечивалась еще и ключевой ролью Р.А. Ульяновского, который напрямую курировал партию Туде [Асиновский, 2019, с. 185–189]. Здесь необходимо отметить, что ситуация на созданной позже межведомственной Комиссии Политбюро ЦК КПСС по Афганистану, где в целом преобладали более прагматичные мнения Андропова и Устинова, весьма отличалась от иранской. И, конечно же, диаметрально противоположной Комиссии по Ирану была ситуация на Комиссии по Ближнему Востоку, которая была создана по указанию Андропова сразу после того, как он заменил Брежнева, и в 1983 г. возглавлена министром обороны СССР Устиновым, что, конечно же, отражало характер и направленность решений, принимаемых на этой комиссии [Брутенц, 1998, с. 395–396]. Документы и мемуары участников также подтверждают, что идеологический аспект и приоритет отношений с иранскими коммунистами преобладали в решениях комиссии

⁵ Об Ульяновском Р.А. см.: [Schapiro, 1976/1977, p. 41–55].

по Ирану [Asinovsky, 2018, с. 202]. Занижение определяющей роли шиитского духовенства в Иране и видение Ирана как страны, способной совершить скачок из полуфеодалного состояния к радикальной социалистической трансформации [Ульяновский, 1982, 1983], привели к серии основополагающих просчетов.

В целом экспертное наполнение механизма принятия решений на высшем уровне можно охарактеризовать цитатами из заявлений посла СССР в США А.Ф. Добрынина и первого заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС К.Н. Брутенца, которыми Асиновский предваряет свою статью «The Soviet Union and the Iranian Revolution» [Asinovsky, 2018, с. 190]. Добрынин отмечал, что он никогда не слышал, чтобы вопрос исламского фундаментализма как таковой когда-либо обсуждался на высшем уровне в СССР. Ни одного постановления, ни одной резолюции не было издано по этому вопросу. Брутенц же, который в 1970-х и 1980-х гг. был в гуще событий Международного отдела в части консультирования высших лиц советского государства, в ходе цикла лекций, прочитанных им в США в 1990-е гг., допустил высказывание, во многом по своему смыслу напоминающее цитату из книги Кузичкина, ранее приведенную в данной работе. Брутенц заявил американской аудитории, что в то время в США знали об исламском фундаментализме намного больше, чем в СССР, и что, навряд ли, кто-то объяснял советским лидерам, кто такой аятолла [Asinovsky, 2018, р. 191].

После победы февральского вооруженного восстания в Тегеране почти сразу были легализованы все политические партии, находившиеся под запретом при шахе, в том числе и иранская коммунистическая партия Туде. Срочно под давлением Москвы в высшем руководстве партии были произведены замены, многие партийные деятели вернулись в Иран, и партия возобновила свою открытую деятельность впервые с 1949 г. После прохождения специального обучения в структурном подразделении Международного отдела по подготовке иностранных коммунистических кадров, а именно в Институте общественных наук при ЦК КПСС под началом Н.А. Симонии, в апреле 1979 г. в Иран в качестве генерального секретаря партии Туде был направлен Нуреддин Киянури (1979–1983). Замена была продиктована еще и наличием родственной связи нового руководителя Туде с аятоллой Хомейни, что в совокупности с идеологическими заблуждениями Международного отдела, на тот момент формирующими мнение Москвы, должно было стать гарантом официального вхождения членов Туде во властные структуры нового режима и его успешной левой трансформации [Ваев, 2019]. Киянури поддерживал связь напрямую с Р.А. Ульяновским посредством шифрованных сообщений через резидентуру Шебаршина, который нехотя подчинился приказу сверху и поручил это руководителю линии «Н» (нелегальная разведка) Кузичкину [Kuzichkin, 1990, р. 275–295].

Несмотря на то, что на момент написания своих мемуаров, Шебаршин и Кузичкин были уже заклятыми врагами со стажем, оба одинаково единодушно и весьма критично описали этот внешнеполитический проект Москвы. Помимо его политической бесперспективности, его оперативное исполнение, фактически навязанное Андропову Международным отделом, противоречило принятой оперативной практике и ставило под угрозу всю деятельность резидентуры КГБ в Иране [Kuzichkin, 1990, р. 279–289; Шебаршин, 2012, с. 191]. В условиях жестокой узурпации власти шиитским духовенством Ирана и продолжавшихся репрессий в отношении других политических организаций, крах партии Туде был неизбежен⁶, что и произошло в 1983 г. Разгром партии был облегчен для исламского

⁶ Еще 21 октября 1979 г. КГБ сообщало в Международный отдел ЦК КПСС о единодушном решении препятствовать распространению коммунизма в регионе, а также не допустить проникновение левых элементов во власть в Иране, которое было принято на совещании представителей премьер-министра, МИД, военной разведки, жандармерии, полиции и Корпуса стражей Исламской Революции [Wilson Center Archive, 1979].

режима выводом партийных структур в легальное поле в 1979 г. по прямому указанию Москвы и частично ускорен побегом в Великобританию Кузичкина, ответственного за секретное оперативно-техническое взаимодействие с партией. Таким образом, Москва не только потерпела внешнеполитическое поражение из-за своих просчетов, допущенных под давлением идеологии, но и невольно поспособствовала уничтожению левого движения в Иране как в оперативно-агентурном плане, так и в целом.

ВЫВОДЫ

Внешняя политика СССР в отношении Исламской Республики Иран в период с 1979 по 1983 г. выстраивалась в соответствии с двумя основными императивами. Первый, геополитический, жидился на системном противоборстве с Западом. «Антиимпериалистический» характер иранской революции 1979 г. привел к утрате странами Запада, в особенности США, превалирующих военно-политических позиций в Иране, что было манной небесной для СССР в контексте его южной региональной политики. В связи с этим, одним из важнейших столпов уже глокальной политики СССР стало международное «охранительство» исламского режима, пока в его внешней политике присутствует отчетливый антиамериканский тренд.

Второй императив, исключительно идеологический, включал в себя попытки организовать советскую политику в отношении нового режима таким образом, чтобы способствовать левой трансформации продолжающейся, по мнению советских идеологов, иранской революции. Просчеты во внешнеполитических решениях, принимавшихся на высшем уровне в СССР под давлением лиц, действовавших в плену идеологических постулатов, привели к тупиковой ситуации в советской внешней политике в отношении Ирана по состоянию на 1983 г., а также и физической гибели левого движения в самом Иране. Аналогичные просчеты привели и к таким новым более крупным ошибочным политическим решениям, таким как вторжение в Афганистан, которые повлекли системные последствия для самого СССР, ускорившие его развал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ/REFERENCES

Агаев С.Л. Иран в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1981 [Agaev S.L. *Iran in the Past and Present*. Moscow: Nauka, 1981 (in Russian)].

Алиев С.М. Антимонархическая и антиимпериалистическая революция в Иране. *Народы Азии и Африки сегодня*. 1979. № 3. С. 45–57 [Aliiev S.M. An Antimonarchichal and Antiimperialist Revolution in Iran. *The Peoples of Asia and Africa Today*. 1979. No. 3. Pp. 45–57 (in Russian)].

Алиев С.М. Иранская революция 1978–1979 гг. и рабочий класс. *Рабочий класс и современный мир*. 1980. № 5. С. 104–111 [Aliiev S.M. Iran's Revolution of 1978–1979 and the Working Class. *The Working Class and Contemporary World*. 1980. No. 5. Pp. 104–111 (in Russian)].

Алиев С.М. *История Ирана, XX век*. М.: ИВ РАН – Крафт+, 2004 [Aliiev S.M. *History of Iran*. MOSCOW: IOS RAS – Kraft+, 2004 (in Russian)].

Арабаджян А.З. *Иранская революция, 1978–1979*. М.: Наука, 1989(1) [Arabajian A.Z. *Iran's Revolution, 1978–1979*. Moscow: Nauka, 1989(1) (in Russian)].

Арабаджян А.З. Обзор советской исторической литературы по темам «Иранская революция 1978–1979 гг.» и «История Исламской Республики Иран». *Иранская революция, 1978–1979*. Под ред. А.З. Арабаджяна. М.: Наука, 1989(2). С. 527–554 [Arabajian A.Z. Review of Soviet Historical Literature on the Topics “Iranian Revolution of 1978–1979” and “History of the Islamic Republic of Iran”. *Iran's Revolution, 1978–1979*. Ed. A.Z. Arabajian. Moscow: Nauka, 1989(2). Pp. 527–554 (in Russian)].

Асиновский Д.Л. Идеология и прагматизм в ранних советских оценках революции в Иране в 1978–1979 гг. *PCM*. 2019. № 1 (102). С. 182–193 [Asinovskiy D.L. Ideology and Pragmatism in the Early Soviet Assessments of the Revolution in Iran 1978–1979. *RSM*. 2019. No. 1 (102). Pp. 183–186 (in Russian)].

Брутенц К.Н. *Тридцать лет на Старой площади*. М.: Международные отношения, 1998 [Brutents K.N. *Thirty Years on the Staraya Square*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1998].

Виноградов В.М. *Наши Ближний Восток. Записки советского посла в Египте и Иране*. М.: Алисторус, 1994 [Vinogradov V.M. *Our Near East. The Notes of the Soviet Ambassador in Egypt and in Iran*. Moscow: Alistorus, 1994 (in Russian)].

Гибадуллин И.Р. Советская историография Исламской революции в Иране: проблема изучения религиозно-идеологических аспектов. *Власть*. 2010. № 10. С. 51–53 [Gibadullin I.R. Soviet Historiography of the Islamic Revolution in Iran: the Problem of Studying Religious and Ideological Aspects. *Power*. 2010. No. 10. Pp. 51–53 (in Russian)].

Громыко А.А. *Памятное*. Кн. 2. М.: Политиздат, 1988 [Gromyko A.A. *The Memorable*. Vol. 2. Moscow: Politizdat, 1988 (in Russian)].

Демченко П.Е. Иран после крушения монархии. *Международная жизнь*. 1979(1). № 9. С. 89–96 [Demchenko P.E. Iran after the COLLAPSE of the Monarchy. *International Life*. No. 9. 1979. Pp. 89–96 (in Russian)].

Демченко П.Е. Иран: становление республики. *Коммунист*. 1979(2). № 9. С. 110–116 [Demchenko P.E. Iran: the Formation of the Republic. *Communist*. 1979. No. 9. Pp. 110–116 (in Russian)].

Демченко П.Е. Крушение абсолютизма. *Коммунист*. 1979(3). № 3. С. 75–86 [Demchenko P.E. The Collapse of Absolutism. *Communist*. 1979. No. 3. Pp. 75–86 (in Russian)].

Добрынин А.Ф. *Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.)*. М.: Автор, 1996 [Dobrynin A.F. Very Confidential. *An Ambassador to Washington under Six US Presidents (1962–1986)*. Moscow: Avtor, 1996 (in Russian)].

Костромин Л.П. *Моя жизнь – разведка*. М.: Детектив-пресс, 2011 [Kostromin L.P. *My life is Intelligence*. Moscow: Detektiv-press, 2011 (in Russian)].

Ленин В.И. *Полное собрание сочинений. Том 41. Пятое издание*. М.: Издательство политической литературы, 1981 [Lenin V.I. *Full Collection of WORKS. Vol. 41. Fifth Edition*. Moscow: Izdatelstvo politicheskoi literatury, 1981 (in Russian)].

Правда, газета. 19.11.1978 [Pravda, Newspaper. 19 November 1978 (in Russian)].

Примаков Е.М. *Восток после краха колониальной системы*. М.: Наука, 1982 [Primakov E.M. *The East after the COLLAPSE of Colonial System*. Moscow: Nauka, 1982 (in Russian)].

Примаков Е.М. *История одного сговора: Ближневосточная политика США в 70-е – начале 80-х годов*. М.: Политиздат, 1985 [Primakov E.M. *The Story of a Conspiracy: US Middle East Policy in the 70s – Early 80s* (in Russian)].

Ульяновский Р.А. Иранская революция и ее особенности. *Коммунист*. 1982. № 10. С. 101–112 [Ulyanovsky R.A. Iran's Revolution and its Features. *Communist*. 1982. No. 10. Pp. 101–112 (in Russian)].

Ульяновский Р.А. Иран – что дальше? Моральные принципы в политике и политика в области морали. *Литературная газета*. 22 июня 1983. № 25 [Ulyanovsky R.A. Iran – What's Next? Moral Principles in Politics and Moral Policy. *Literary Newspaper*. 22 June 1983. No. 25 (in Russian)].

Шебаршин Л.В. *Рука Москвы. Разведка от расцвета до заката*. М.: Алгоритм, 2012 [Shebarshin L.V. *Moscow's Hand. Intelligence from Heyday to Dusk*. Moscow: Algoritm, 2012 (in Russian)].

Alvandi R. Muhammad Reza Pahlavi and the Bahrain Question, 1968–1970. *British Journal of Middle Eastern Studies*. 2010. Vol. 37. No. 2. Pp. 159–177.

Alvandi R. Nixon, Kissinger, and the Shah: The Origins Iranian Primacy in the Persian Gulf. *Diplomatic History*. 2012. Vol. 36. No. 2. Pp. 337–372.

Apple R.W. Jr. Iran: Heart of the Matter. *The New York Times*. 11 March 1979. <https://www.nytimes.com/1979/03/11/archives/iran-heart-of-the-matter-iran.html?smid=url-share> (accessed: 05.08.2021).

Andrew C. *For the President's Eyes Only: Secret Intelligence and the American Presidency from Washington to Bush*. New York: Harper Collins Publishers, 1995.

Andrew C. and Mitrokhin V. *The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World*. New York: Basic Books, 2005.

Asinovsky D. The Soviet Union and the Iranian Revolution: How Experts, Intelligence Services and Politicians of the Two Superpowers Missed the Birth of Islamic Fundamentalism. *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16. No. 3. Pp. 190–208.

Atkin M. The Kremlin and Khomeini. *Washington Quarterly*. 1981. Vol. 50. No. 2. Pp. 50–67.

Bayev P. How bad judgement calls brought a chain of blunders: Soviet responses to the Iranian revolution. *Iran's Revolution, 40 Years On*. The Brookings Institute. 07/03/2019. <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2019/03/07/how-bad-judgement-calls-brought-a-chain-of-blunders-soviet-responses-to-the-iranian-revolution/> (accessed: 07.02.2022).

Gage N. Shah of Iran Faces Challenge Headed by Moslem Clergy. *The New York Times*. 4 June 1978. <https://www.nytimes.com/1978/06/04/archives/shah-of-iran-faces-challenge-headed-by-moslem-clergy-shah-of-iran.html> (accessed: 01.07.2021).

Carter J. Tehran, Iran Toasts of the President and the Shah at a State Dinner. *The American Presidency Project*. 31/12/1977. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/tehran-iran-toasts-the-president-and-the-shah-state-dinner> (accessed: 14.07.2021).

Herrmann R. The role of Iran in Soviet Perceptions and Policy. *Neither East nor West: Iran, the Soviet Union and the United States*. Eds. N.R. Kedie, M.J. Gasiorowski. New Haven, CT: Yale University Press, 1990. Pp. 74–99.

Herrmann R. Soviet Behavior in Regional Conflicts: Old Questions, New Strategies, and Important Lessons. *World Politics*. 1992. Vol. 44. No. 3. Pp. 432–465.

Kalinovsky A. The Soviet Union and the Iran-Iraq War. *The Iran–Iraq War: New International Perspectives*. Eds. N. Ashton, B. Gibson. New York, NY: Routledge, 2013. Pp. 230–242.

Kalinovsky A. The Soviet Union and Mosaddeq: A Research Note. *Iranian Studies*. 2014. Vol. 47. No. 3. Pp. 401–418.

Klose K. Khomeini Denounced by Soviets. *The Washington Post*. September 9, 1979. <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1979/09/09/khomeini-denounced-by-soviets/49a50695-4fa1-45e1-a915-49721bb80889/> (accessed: 05/02/2022).

Kuzichkin V. *Inside the KGB: My Life in Soviet Espionage*. New York: Ivy Books, 1990.

Parker J. *Persian Dreams: Moscow and Tehran since the Fall of the Shah*. Washington, D.C.: Potomac Books, 2009.

Rubinstein A. The Soviet Union and Iran under Khomeini. *International Affairs*. 1981. Vol. 57. No. 1. Pp. 599–617.

Schapiro L. The International Department of the CPSU: Key to Soviet Policy. *International Journal*. 1976/1977. Vol. 32. No 1. Pp. 41–55.

Smolanski O. Soviet Policy in Iran and Afghanistan. *Current History*. 1981. No. 10. Pp. 321–340.

Wilson Center Archive, *History and Public Policy Program Digital Archive*, Notes by O.A. Westad at TsKhSD, f. 5, op. 76, d. 1355, ll. 17–20 (“Information of KGB USSR to CC CPSU International Department,” October 10, 1979).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ВОЛКОВ Денис Владимирович – PhD, заведующий лабораторией истории региональных процессов, Московский государственный лингвистический университет; руководитель Центра изучения Ближнего Востока, Кавказа и Центральной Азии, НИУ ВШЭ, Москва, Россия.

Denis V. VOLKOV, PhD, Head of the Laboratory for the History of Regional Processes, Moscow State Linguistic University, Russia; Head of CSMECCA, HSE University, Moscow, Russia.